

ПАГУБНАЯ, ОТВРАТИТЕЛЬНАЯ
ТЕПЛОТА, ПО ОТКРОВЕНІЮ СВ.
ІОАННА. 3, 14—20.

Весьма понятно, почему многіе толкователи Апокалипсиса, копорые находятъ, что ни одно изъ предсказаній сего видѣнія еще не сбылось, исключаютъ изъ сего семь посланій къ семи Церквамъ, и утверждаютъ, что въ нихъ говорено было къ семи будущимъ Церквамъ, копорыя въ послѣдствіи произошли, и на копорыхъ исполнилось то, что здѣсь предсказано. Хотя Церковная Исторія показываетъ упоминаемые здѣсь пороки въ Церквахъ, болѣе или менѣ процвѣтавшихъ, Ефесской, Пергамской, Филадельфійской и Лаодикійской, такъ ясно, что мы не смѣемъ сомнѣваться въ томъ, что сіи посланія именно къ нимъ написаны были, равно какъ посланіе Павла къ Римлянамъ дѣйствительно написано къ Христіанамъ Римскимъ, а посланіе къ Евреямъ къ Христіанамъ Палестинскимъ.

Но духъ въ Христіанскихъ обществѣхъ
 всѣхъ временъ и спранъ былъ одинаковъ.
 Всегда были шакіе люди, кои оставили
первую любовь; всегда были и шакіе, кои
назывались живыми, но были мертвы для
 всего невидимаго, духовнаго, священнаго.
 Не было недоспашка и въ шеплыхъ, подоб-
 но шроспи, въпромъ колеблемыхъ Лаодикіа-
 нахъ, копорые прошивились всякому разно-
 мыслящему съ ними, и правильно поспушаю-
 щему. А каковы причины, шаковы и слѣд-
 спвія; каково сѣяніе, шакова и жашва; ка-
 ково внушреннее расположеііе, шакова и
 учаспъ. Всегда приходипъ Господь неожидан-
 нымъ и ужаснымъ образомъ къ шому, кшо
 почиаетъ себя живымъ, между шѣмъ какъ
 онъ мершвъ. Иначе какъ бы можно возбу-
 дитъ мершваго опъ смерши? Святое всегда
 опъемлешся у шого, кшо не упошреб-
 ляетъ его въ свою пользу. Никогда не мо-
 жетъ быть въ союзѣ со Христомъ шопъ,
 кшо ни холодень, ни горячь. И шакъ шо,
 что здѣсь предсказано, несомнишельно ис-
 полнилось, — и кшо знаешъ, сколь во мно-
 гихъ вѣкахъ, и сколь во многихъ Церквахъ
 исполнилось сіе предсказаніе, хошя оно пер-

воначально писано было поклою къ семи извѣстнымъ Церквамъ въ первомъ вѣкѣ!

И кто же написалъ сіе? *Истинный и Справедливый*, Который пишетъ только то, что подлинно знаетъ, Который угрожаетъ только тѣмъ, и обѣщаетъ только то, что можешь исполнить, и исполнишь. Онъ знаетъ всѣ дѣла всѣхъ носящихъ имя Христіанъ, и всѣхъ Христіанъ истинныхъ; Онъ вѣдаетъ ихъ теплошу и ихъ любовь. Предъ людьми скрываться можно; но предъ Нимъ не лъзя: людей обмануть можно; но Его никогда. Нынѣ нужды говоришь Ему о чемъ либо: ибо Онъ *Самъ вѣсть, что есть въ теловѣцѣхъ*.

Онъ упрекаетъ здѣсь теплошою одну Церковь, и показываетъ ей вредъ и пагубу сей теплошы въ самомъ ясномъ и выразительномъ изображеніи.

Теплый не естъ совершенно равнодушенько Христу и Христіанству, и однако не твердь въ послѣдованіи ему. Онъ весьма способенъ сдѣлать многое, но весьма часто дѣлаешь многое совсѣмъ напротивъ. Онъ хромаетъ на оба колѣна. Онъ хочешь соединить чувствіе Христіанское съ чувствіемъ

Гому, что сказано въ Св. Писаніи; но многое, о чемъ Писаніе говоритъ столько же опредѣленно, почиаетъ за суевѣріе. По его мнѣнію, такое-то мѣсто Св. Писанія неправильно переведено, или иначе понято, или сказано по соображенію съ господствующимъ предразсудкомъ; такое-то мѣсто не иное что есть, какъ только оборотъ словъ, баснь, поэзія, хотя оно спойтъ и между проспою исторіею; или люди, передавшіе намъ Божественное опкровеніе, сами были одержимы предразсудками своего времени, и въ такомъ духѣ повѣсповали, и мы должны изыскивать, что есть Божественное опкровеніе, и что предразсудокъ. Что онъ понимаетъ, что можетъ объяснить, по почиаетъ за Божественное опкровеніе; чего же не понимаетъ, и не можетъ объяснить, по почиаетъ за предразсудокъ; хотя какъ по, такъ и другое равно основывается на словахъ Іисуса и Его посланниковъ. Онъ подобенъ человѣку, который, отплывая на море, хочетъ одною ногою опшаться на машерой землѣ; подобенъ упрямому спорщику, который вѣришь компасу, корабельному счисленію и Капитану до

лѣхъ только поръ, пока кажется ему, что корабль слѣдуетъ прямому направленію; но который не хочетъ слушать Капитана, какъ скоро корабль принимаетъ такое направленіе, котораго онъ не умѣетъ объяснить по своей картѣ.

И вошь собственный духъ нашего времени, именно духъ лѣхъ многихъ мнимо-лучшихъ, которые хопятъ, чтобы ихъ почитали истинными Христіанами, и можетъ быть сами себя почитаютъ таковыми. Они теплы въ молишвѣ, въ хожденіи во Храмы, въ приобщеніи Тайныя Вечери; теплы въ чтеніи Библии, въ испытаніи самихъ себя, въ самоопроверженіи; теплы въ вѣрѣ и любви. Они для ничтожнѣйшаго занятія, для маловажнѣйшаго удовольствія оплагаютъ сіи священныя обязанности; самый малозначущій человекъ можетъ ихъ удержатъ отъ оныхъ. Они успыдились бы, почли бы за чрезвычайность, за лицемѣрство, если бы сказали имъ, что они не могутъ заняться никакимъ дѣломъ, не могутъ никуда итти, потому что идутъ въ Церковь, или должны читать Библию, или не исполнили еще своей молишвы. Съ другой стороны справед-

либо, что они не ходяшь ни въ театръ, ни на балъ: ибо они видяшь, что сіе разсвѣляетъ ихъ, слишкомъ пишаешь ихъ суетность и чувстввенность. Впрочемъ, кшо бы захотѣль выдать себя на шакое посмѣяніе!

Весьма примѣтна сія теплота въ сужденіи о другихъ, кои горячи въ Христіанствѣ, кои поспоянно дѣлають все, что почитаютъ полезнымъ для Христіанскаго чувства своего, и поспоянно оспавляютъ все, что считаютъ вреднымъ для онаго, коихъ никакое убѣжденіе, ни примѣръ, ни насмѣшка не могутъ склонить къ вредному, и никакое изъ шакowychъ средствъ не можетъ отклонить отъ полезнаго.

Теплые Христіане сихъ горячихъ называютъ *Піенистами, суетврами, пустосвятими, лицемврами* и ш. п. хотя люди сіи всегда спокойны, исполнены веселія и радости, что всегда есть признакъ Христіанина. Піенизмъ, въ превратномъ смыслѣ сего слова, есть лицемѣрство, выказываніе благочестія, дабы видѣли оное люди, и прославляли не Отца небснаго, но шѣхъ, которые показывають свое благочестіе. Въ ложномъ Піенизмѣ есть лицемѣрство, ко-

порое хочешъ казашься благочеспивѣе, нежели каково на самомъ дѣлѣ: ибо оно по наружности опличаешься благочеспивымъ видомъ, проспою одеждою, и пому подобными Фарисейскими дѣлами милосердія, и о семъ опличіи стараешься. Такъ! когда ты сіе дѣйствительно примѣчаешь; когда можешь доказать на самомъ дѣлѣ, что сіи люди своимъ благочеспіемъ хопящъ только выказашъ себя, что они предспавляющъ себя благочеспивѣе, нежели каковы въ самомъ дѣлѣ: тогда называй ихъ, какъ хочешъ. Но когда называешь ихъ Писемствами за то шокмо, что они болѣе и чаще читающъ Священное Писаніе, болѣе пребываютъ въ молитвѣ и болѣе ожидающъ ошъ ней, нежели ты; за то, что они не оставляютъ общеспвеннаго Богослуженія для какаго нибудъ дѣла, кошорое можешъ бышь исправлено и въ другое время; за то, что ихъ нельзя склонить къ содѣланію чего либо шакаго, что предспудительно для ихъ Христіанскаго чувства, или къ опущенію чего либо шакаго, что шипаешъ оное чувство: тогда ты хочешъ только оправдашъ твою шеплошу: ибо согласишься, что въ

сѣмь соспоишь истинное благочестіе, значить признашь себя шеплымъ. Развѣ не можно быть благочеспивымъ, не можно пишать Христіанское чувство до нѣкопорого излишества? Развѣ чтение Библии, молитва, хождение къ публичному Богослуженію, благоговѣйное приобщеніе Тайныя Вечери, споль малозначительны въ Христіанствѣ, что можно ихъ безъ вреда оставлять при всякомъ маловажномъ препяшствіи? Развѣ не можно съ нѣкопорымъ избыткомъ любить Иисуса и, ради Его, людей? — Но шакова мудрость нашего вѣка, что нельзя быть добродѣтельнымъ и благочеспивѣ, нежели сколько позволяешь благоразуміе.

Послѣдовавъ Христіанству, которое основано на разумѣ, и которое всякой и во всякомъ случаѣ доказать можешь, припомъ шакому Христіанству, въ которомъ узражена вѣра и любовь—вошь что значить истинное просвѣщеніе у многихъ, которые называютъ себя просвѣщенными и просвѣщителями!

Естественнo, что сіи шеплые почищаютъ себя добрыми Христіанами. Они въ

заблужденіи; но гораздо лучше пѣхъ мірскихъ людей, копорые о Христіанствѣ и вообще о благочестіи нимало и не помышляютъ.

Но для сего-то они и опаснѣе, и на худшемъ пути. Лучше быть холоднымъ, нежели теплымъ. Это спранно; но весьма естественнo въ основаніи. И во всеобщемъ болѣе можно ожидать опъ чeловѣка, копорый *совершенно* бываетъ шѣмъ, чѣмъ онъ естъ; копорый рѣшишельно и швердо идесть по одному пути; копорый рѣшается по своему убѣжденію, и дабы въ чемъ не заблудиться, поступаетъ по своему намѣренію. Онъ имѣеть характеръ, имѣеть единство въ своемъ существѣ! Конечно его характеръ можетъ быть злой, единство бѣдственное: но его силы дѣйствуютъ совокупно. Онъ знаетъ, чего хочеть; его воля не колеблется, и ведеть къ дѣлу. Можно надѣяться, что когда онъ получитъ другіе виды, то они приведуть его къ другимъ намѣреніямъ; а когда приметъ другія намѣренія, то будетъ и поступать иначе. И мы довольно имѣемъ примѣровъ, что рѣшишельные беззаконники, или люди, копорые шли

превратнымъ путемъ, скорѣе исправлялись, нежели другіе, кои не были ни холодны ни горячи, ни злы ни добры. Димасъ оспался Димасомъ; но Савль сдѣлался Павломъ. У кого нѣтъ силы, бытъ подлинно злымъ, пощъ также не имѣешь силы, бытъ подлинно добрымъ. Кто оспанавливаея въ щеплощъ, щепщъ никогда не можещъ бытъ горячимъ, доколь довольщпвуешя сею щеплощю; онъ и не будешъ никогда горячимъ, ещщли не согрѣешъ его небесное Солнце.

Есть еще и другая причина, по кощорой совершенно холодный къ Иисусу Христу человекъ можещъ скорѣе познащъ свое развращеніе и раскаящся въ немъ, нежели щеплый. Сей думаешъ, щщщ имѣешъ, и нѣщщ значищъ; онъ говорищъ : *Богатъ есмь, и обогатихся, и нитесоже требую, а не вѣдаешъ, что онъ окаененъ, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ.* Апок. 3, 17. Сіе заблужденіе его обезщечиваешъ. Лучше не имѣщъ никакого дома, нежели домъ, построенный на щескѣ. И щакъ холодный щомыщляешъ иногда о жилищѣ, какъ бы

оно бѣдно ни было; а теплый полагаешься на свою непрочную хижину, доколь она не обрушится на его голову. Холодный легко можетъ быть проникнуть любовію Іисуса Христа, или Его ученіемъ, и тогда онъ возбуждается опъ своей прежней холодноспи, а сіе возбужденное чувство согрѣваетъ его сердце. Теплый есть уже проникнушь, или такъ думаетъ. Онъ воображаетъ, что теплая любовь есть уже любовь, что теплая молитва есть уже молитва, что въ Христіанствѣ совмѣстись можно служеніе Христу съ служеніемъ веляру. Онъ хочетъ облещи вешаго челоуѣка въ новаго, и такимъ образомъ вешій никогда совлечень не будетъ. Это есть великая, но не довольно познанная истина, что челоуѣкъ, который по своей мысли удалень опъ чувствованія своего недостойнства, бѣдноспи и нищеты, весьма далекъ и опъ своего исправленія; а челоуѣкъ, водимый чувствованіемъ своей нищеты и бѣдноспи, ближе находится къ своему улучшенію, сколько бы впрочемъ ни были превратны его поступки, — и часпо именно пошому, что они сполько превратны. Топъ скорѣе

замѣчаетъ свою ошибку, кто считаетъ по совершенно ложному правилу, нежели тотъ, кто ошибается только въ некоторыхъ мѣстахъ счисленія. Открытый нагноившійся нарывъ скорѣ излеченъ бытъ можетъ, нежели закрытый, который негноится, но поядаетъ внутри. И потому холодность лучше, нежели теплота.

Еще болѣе! Холодный не знаетъ Иисуса, или не вѣритъ, что Онъ есть Тотъ, за кого выдавалъ Себя, что онъ обязанъ Ему тѣмъ, о чемъ говорятъ Его Апостолы; иначе онъ не былъ бы холоднымъ. Теплый знаетъ Иисуса, и вѣритъ, что Онъ есть для человечества то, что говоритъ о Себѣ; и потому въ немъ есть нѣсколько горячности. Если когда нибудь сей, теперъ холодный, познаетъ Его; если уличенъ будешь въ то, что такъ долго не зналъ сего Единственнаго; что онъ неизреченно великою обязанъ былъ Ему благодарностию еще и въ то время, въ которое былъ къ Нему равнодушенъ, и почиталъ Его мечтателемъ и обманщикомъ: то какъ вѣроятно, что онъ повергнется предъ познаннымъ благодѣтелемъ, и со слезами любви спанетъ умолять Его о прощени ему

въ холодности, неблагодарности и ослѣпленіи. Простишь ли ему Сей, любви исполненный, заблуждшему и ослѣпленному, и заблуждшій возлюбишь ли Сего любви исполненнаго: о семъ пущь спросишь себя каждый, кто знаетъ сего Иисуса, и Его послупокъ съ Марією и Савломъ. Безъ сомнѣнія многіе послѣдніе будутъ первыми. Кто не знаетъ алмаза, тому простишительно, предпочиташь оному большой богемской камень. Но кто знаетъ алмазь, и равняетъ его съ какимъ нибудь ложнымъ камнемъ: по можно ли ожидать правильнаго сужденія ошъ того челоуѣка? — Такъ, шакъ! холодный лучше, нежели теплый.

Теперь едвали кто спросишь, почему шакыя теплыя Христіане прошивны, и почему говоришь о нихъ Иисусъ, что Онъ *изблюетъ ихъ изъ устъ своихъ*, какъ обыкновенно изблевывающъ что нибудь теплое. По крайней мѣрѣ не спросишь о семъ шопъ, кто знаетъ любовь. Иисусъ Хришоъ *любитъ* насъ. Онъ не шолько соспрадашелень, благошворишелень, великодушень къ намъ, но любишь. Какъ же любишь Иисусъ Хришоъ? не тепло, но горячо; не ошъ чашпи, но со-

вершено. Самый образъ, какимъ учредилъ Онъ приснопамятную оную и незабвенную вечерю; цѣль, для которой учредилъ ее; слова, кои произнесъ при ней; наставленія, прошенія, обѣщанія, кои сдѣлалъ при ней, служатъ постояннымъ символомъ Его нѣжнаго, внушеннаго, чистаго человеколюбія. Какъ же хочешь быть любимымъ такое Существо? — спрашиваемъ мы самихъ себя. Когда ты прилѣпляешься всѣмъ сердцемъ къ какому нибудь существу, къ брату, сестрѣ, супругу, другу; по каково было бы тебѣ, если бы сіе существо на искреннюю любовь твою отвѣчало теплою? Если бы оно почитало тебя не болѣе, или сколько же, какъ и другихъ; если бы иногда было тебѣ вѣрнымъ, но часто также и инымъ; — было совершенно иныхъ мыслей, нежели ты; если бы иногда сдѣлало тебѣ угожденіе въ чемъ нибудь, а иногда и другимъ въ чемъ нибудь такимъ, чего ты терпѣть не можешь: по снесъ ли бы ты такую любовь? Не захотѣлъ ли бы совершенно разлучиться съ такимъ непостояннымъ и безхарактернымъ существомъ? Не нужно болѣе говорить ни слова.

Ты чувствуешь, почему сказалъ Иисусъ : *имамъ изплевати тя отъ устъ Моихъ*, уничтожая всякое сообщеніе съ побою. И пы- то же сказалъ бы въ подобномъ случаѣ.

„Я совершенно отъ тебя оплучаюсь; ты не долженъ имѣть никакой часпи со Мною“ говоритъ Иисусъ.—Ужасно, и одна- кожь благодѣтельно! Жестко, и однакожь милосердо! — Ужасно! домъ, построенный на пескъ, падаетъ. Долго вѣровавъ, что есть Спаситель, и открывъ, что нѣтъ Его болѣе; долго привыкавъ быть Христи- аниномъ, и узнать противное. Розга отпорг- нуша отъ лозы; она вянетъ, изсыхаетъ и не приноситъ плода. И однако отпорженіе сіе благодѣтельно, подобно какъ и все, что называется наказаніемъ. Оно есть един- ственное средство возбудить любовь ко Иисусу, когда она еще не возбуждена. Мы научаемся познавать цѣну величайшихъ благъ жизни тогда только, когда должны совер- шенно лишиться оныхъ. Такъ бываетъ съ чистымъ воздухомъ, здравіемъ, спокойнымъ сномъ: такъ со Иисусомъ и близостию къ Нему. Ты тогда только чувствуешь, что совершенно оставленъ, когда Онъ оставилъ

тебя; тогда только познаешь свою слѣпоту, когда Онъ не будетъ освѣщать тебя. И сіе познаніе, сіе чувство оспавленія приведетъ тебя ко Іисусу; ты почувствуешь необходимость сего Единственнаго. Только симъ путемъ можешь къ Нему приблизиться. При твоей теплотѣ Онъ никогда не достигнешь своей цѣли. Ахъ! и любящему трудно пламенѣть такою любовью, какой хочешь Іисусъ; сколько труднѣе должно быть сіе для теплаго! И однакожь на любви къ Іисусу все основывается. Она есть пружина, которая приводитъ въ движеніе все наше существо; огонь, который согреваетъ нашу холодность; сѣмя, изъ котораго рождается въ насъ новый человѣкъ.

„Но какъ, скажешь ты, когда я не могу болѣе любить Іисуса; когда мое сердце сколько холодно, мое чувство сколько прилѣплено къ земному, что не можешь возвыситься къ Нему внутреннею любовью; когда я вообще не могу горячо любить?“
 Любезный! это значить, что въ тебѣ умерщвленъ, по крайней мѣрѣ, ослабленъ зародышъ любви. Или ты любишь что либо другое болѣе, нежели Іисуса, потому что

Его не знаешь. Каждый человекъ приносишь съ собою въ міръ способность любить; и кого бы ты хопѣлъ любить, когда не любишь Того, Кто столь неизреченно достоинъ любви, и возлюбилъ тебя больше, нежели сколько можешь любить какой либо человекъ? По этому ты умерщвилъ сію способность, или по крайней мѣрѣ, заглушилъ чувственностию, корыстолюбіемъ, гордосію, которая не совмѣстна съ любовью: или ты не помышляешь о Иисусѣ Христѣ; не знаешь, чѣмъ Онъ для человечества былъ, есть и будетъ. И такъ спарайся оживишь въ себѣ способность любви; собери себя, и познай *всего* Иисуса.

Оживляй въ себѣ способность любви дѣлами любви, подаваніемъ, вспомошествованіемъ, облегченіемъ спраданія, доставленіемъ радости. Непреставай поступать такъ до толѣ, доколѣ не возлюбяшь тебя другіе, и доколѣ ты не возлюбишь ихъ взаимно. Внѣшнее дѣйствуешь на внутреннее, подобно какъ и внутреннее на внѣшнее. Дѣла любви возбуждаютъ любовь, подобно какъ и любовь побуждаетъ къ дѣламъ любви. Положи для себя, каждый день сдѣлать что

нибудь шакое, что избавляешь другихъ отъ спраданія, скорби и запрудненій; что облегчаешь бремя, доставляешь хощя и малую радость. И они будутъ для тебя любезны, поелику ты для нихъ нѣчто сдѣлалъ. Это есть собственно Божественное расположеніе нашей природы, что мы любимъ не только шѣхъ, кошорые оказывающъ намъ благодѣянія; но еще болѣе шѣхъ, кошорымъ мы могли оказашъ много благодѣній, кошорые посе му сдѣлались частію, лучшею частію нашего существа. Они будутъ любить тебя: поелику ты для нихъ нѣчто сдѣлалъ, и сіе-то будетъ оживлять швою любовь къ нимъ, и такимъ образомъ возвыситъ швою способность любви.

Собери себя! Я знаю, что ты имѣешь обязанности швоего званія. Тебѣ нужно опдохновеніе; ты можешь доставлять себѣ невинныя удовольствія: и сіе развлекаетъ швою жизнь. Но въ швоемъ внутреннемъ все можешь и должно бытъ едино. Гдѣ швое сокровище, шамъ и сердце швое. Мысль о Иисусѣ Христѣ да сопровождаетъ тебя во всякомъ дѣлѣ, во всякомъ удовольствіи. Убѣгай всякаго удовольствія,

съ которымъ несовмѣстна мысль о Иисусѣ. Спрашивай себя при каждомъ дѣлѣ, какъ бы Онъ его совершилъ, еспли бы на швоемъ мѣстѣ былъ. Спрашивай себя при каждомъ удовольствіи, могъ ли бы ты наслаждаться онымъ въ Его присутствіи. Какъ Христіанинъ, ты обязанъ знашь, что ты долженъ жить Ему, и никому другому. Увѣрь себя въ сѣмъ швидко; впечатлѣвай сѣ въ себѣ каждое ушро; соображайся съ симъ въ поступкахъ. Удаляйся шого, что тебѣ опъ сего удерживаетъ; прилѣпляйся къ шому, что къ сему способствуетъ. Иисусъ на своихъ чшиселѣй не налагаетъ никакихъ ненужныхъ узъ. Что Онъ не ясно запретилъ, то можешь всегда дѣлать; но помни, что говоритъ Павелъ: *вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу*. И такъ, когда ты чувствуешь, что тебѣ что нибудь препятствуетъ въ томъ, чтообы жить совершенно швоему Господу; то оставь это — не пошому, что Онъ не позволяетъ сего, но пошому, что оно *не на пользу*. Чѣмъ простѣе швое внутреннее существо: шѣмъ болѣе и легче и еспеспвеннѣе ты будешь взирать шокмо на Него. Тѣмъ любезнѣе

Онъ будешь для себя; шѣмъ болѣе ты будешь горячь къ Нему.

Особенно спарайся *лучше* познать *всего* Иисуса. Въ Евангеліяхъ ты находишь глазную мазь для прозрѣнія очей швоихъ. Ты, можешь быть, думаешь, что уже знаешь Его изъ перваго наспавленія, изъ кашихизисовъ, изъ проповѣдей, копорыя ты слышаль; но все сіе недоспапочно. Ты долженъ познать Иисуса изъ Его словъ и поступковъ, и припомъ *всего* Иисуса — превознесеннаго и униженнаго, какъ въ Его непобѣдимой силѣ, копорою низложилъ книжниковъ и укропилъ бурю, такъ и въ снисходительной любви, съ копорою Онъ благословилъ дѣшей и плакалъ о несчастіи Иерусалима, не смотря на то, что въ немъ находились смертельные враги Его. Ты долженъ познать въ Немъ Избавителя чловѣковъ и образъ чловѣковъ; Предспавителя Божества для чловѣковъ, и высокій идеаль чловѣчества; Бога, копорый къ намъ сполько близокъ, какъ другъ, и Друга, копорый сполько силенъ, какъ Богъ; Существо, въ каковомъ одномъ чловѣчество имѣло нужду. Для сего предспавляй себѣ

каждое положеніе, описанное Евангелистами; представляй лица, съ которыми Иисусъ обращался, и на которыхъ дѣйствовалъ; Его спраданія, Его радости, Его чувствія; представляй все такъ, какъ бы ты присутствовалъ при каждомъ чудѣ, которое Онъ дѣлалъ, при каждомъ разговорѣ, который Онъ имѣлъ, при каждомъ ученіи, которое Онъ давалъ; какъ бы ты видѣлъ дѣйствіе, производимое симъ въ различныхъ людяхъ; представляй ненависть и любовь; своеправіе, которое совершенно не хотѣло въришь, и дѣпское чувство, которое изъ глубины духа говорило: *ни одинъ человекъ не говорилъ такъ, какъ сей человекъ*. Представляй себѣ особенно внутреннія Его спраданія, отъ которыхъ Онъ могъ бы освободиться каждую минуту; но которыя добровольно понесъ изъ любви къ человѣкамъ, также и къ тебѣ. Часно говори себѣ, что и тебѣ повелѣно то, что Онъ повелѣлъ; запрещено то, что запретилъ; также и общано то, что Онъ общалъ. Незабвеннымъ да будешь для тебя утѣшительное и спасительное изреченіе Его: *не о сихъ токмо, одиннадцати ученикахъ,*

молю, но и о всѣхъ вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мѣ. Іоан. 17, 20. И не возможно, чтобы ты не возлюбилъ Его, если ли имѣешь человѣческое сердце. Но познавай Его и изъ опыта. Не думай, чтобы сіе было очень трудно. Онъ охотно приближается къ своему внутреннему, если только ты ревностно желаешь Его близости. Когда твое внутреннее исполнено мечтами суевности, чувствительности, зависти, видами любостыжания, честолюбія, мщениія; то Онъ не можетъ къ тебѣ приблизиться, будучи чистъ, духовенъ и исполненъ любви. Но когда ты ревностно стараешься изгладить себя отъ всего сего, и приближаешься къ Нему въ благоговѣйной дѣпской молитвѣ: то безъ сомнѣнія испытаешь близость Его. Онъ прикасается къ своему внутреннему неизъяснимымъ и непонятнымъ, но ошупительнымъ образомъ; чувство любви Его прямо проникнетъ тебя; ты не будешь болѣе теплъ къ Нему. О! тысящекратно легче ощущать близость Его, нежели какъ думаешь неопытный. Онъ стоитъ при дверяхъ и толкаетъ — въ судьбахъ, возбуждені-

лхъ, пысящекрапнымъ образомъ. Естли кшо слышишь гласъ Его и опверзаетъ свое внушреннее: по Онъ приближася къ нему, и сообщаетъ ему, что имѣеть. Но шакъ швердо и непоколебимо слово Иисуса, что кпо тепль, шощъ не имѣеть часпи съ Нимъ, шого удаляетъ Онъ ошь себя.

Жестоко есть слово сіе. Кто можетъ послушати его? Но оно нимало не жесточе или не мягче словъ горячо всѣхъ Любящаго: небо и земля мимоидутъ, слова же Моя не мимоидутъ. Матт. 24, 35.
